

Викентий Вересаев

В мышеловке



Викентий Викентьевич Вересаев

В мышеловке

Аннотация

«Была глубокая ночь. Ярко и молчаливо сверкали звезды. По широкой тропинке, протоптанной поперек каолиновых грядок, вереницею шли солдаты, Они шли тихо, затаив дыхание, а со всех сторон была густая темнота и тишина. Рота шла на смену в передовой люнет. Подпоручик Резцов шагал рядом со своим ротным командиром Катарановым, и оба молчали, резцов блестящими глазами вглядывался в темноту. Катаранов, против обычного, был хмур и нервен; он шел, понуриив голову, кусал кончики усов и о чем-то думал...»

Викентий Вересаев

В мышеловке

Была глубокая ночь. Ярко и молчаливо сверкали звезды. По широкой тропинке, протоптанной поперек каолиновых грядок, вереницею шли солдаты, Они шли тихо, затаив дыхание, а со всех сторон была густая темнота и тишина. Рота шла на смену в передовой люнет. Подпоручик Резцов шагал рядом со своим ротным командиром Катарановым, и оба молчали, резцов блестящими глазами вглядывался в темноту. Катаранов, против обычного, был хмур и нервен; он шел, понуриив голову, кусал кончики усов и о чем-то думал.

Шаг за шагом все дальше назад оставались окопы, где вокруг были свои, где чувствовалась связь со всеми. От мира и жизни рота как будто отходила в одинокий, смертно-тихий мрак. Тропинке не было конца, и, когда они подошли к люнету, казалось – они прошли версты две, хотя до люнета было только семьсот шагов.

Завидев смену, в окопе облегченно зашевелились. Командир вышел из окопа и, расправляя отекишие ноги, молча протянул руку офицерам. Он тоже был угрюм и зол.

Катаранов шепотом спросил:

– Что хорошего?

– Постреливают... Направо, за могилкою, должно быть, японский секрет. Шагов полтораста.

Его солдаты осторожно вылезали из люнета. На носилках вынесли что-то вытянувшееся и неподвижное. Катаранов кивнул на носилки и спросил:

– Сколько?

– Один убит, трое ранено... Тише вы, черти! – зашипел офицер на солдата, который зацепил прикладом за котелок.

Пришедшая рота тихонько размещалась в окопе. Катаранов и Резцов тоже спустились вниз.

Назади с глухим шорохом удалялась смена. И казалось – вот порывается последняя связь с миром Кто-то там сзади сдавленно раскашлялся. И сейчас же где-то сбоку темноту пронзил струистый огонек, по молчаливым полям прокатился выстрел. Люди разом встрепенулись, винтовки в их руках зашевелились.

– Без команды не стрелять! – грозно протянул Катаранов.

Еще сверкнули две струйки. Две пули, ноя, пронеслись мимо окопа. И все замолкло. Кольцом сдвинулась вокруг живая, подстерегающая тишина. Она отовсюду смотрела из темноты, и все напряженно вглядывались ей навстречу.

Люнет, который занимала рота, был громко известен во всем корпусе. Офицеры называли его «Сумасшедшим люнетом», потому что, продежурив в нем сутки, два офицера сошли с ума и прямо с позиции были отправлены в госпиталь; солдаты прозвали люнет «Мышеловкой». Для чего он существовал, какое было его назначение, – никто не мог понять. Люнет лежал совсем одиноко в чистом поле, на пол-

версты вперед от наших позиций и всего за четыреста шагов от японских; с флангов японские позиции загибались вокруг него, а справа и несколько сзади серела вдали грозно укрепленная японцами деревня Ламатунь; кроме того, люнет был под косым обстрелом одного из наших люнетов. И отовсюду в него летели пули.

Начальник дивизии рапортом указывал корпусному командиру на полную ненужность этого люнета, на то, что в любой момент японцы шутя могут перебить всех его защитников. Корпусный положил на рапорте резолюцию: «Умереть в окопах – это значит одержать победу». И все знали, – он очень гордился, что в районе его корпуса линия укреплений выдается вперед больше, чем в соседних корпусах; и все знали также, что сам он ни разу не рискнул самолично побывать в этом люнете. Японцы спокойно предоставляли русскому вождю тешить свое честолюбие; наши два раза очищали люнет, и японцы его не занимали: видимо, он был им не нужен и не страшен.

Морозило. Солдаты, сжимая винтовки, пристально вглядывались в темноту. Было очень тихо. И звезды – густые, частые – мигали в небе, как они мигают, только когда на земле все спят. Казалось, вот-вот прекрасною, прозрачною тенью пронесется молчаливая душа ночи, – спокойно пронесется над самою землею, задевая за сухую траву, без боязни попасть под людские взгляды. А в этой земле повсюду прятались насторожившиеся люди и зорко вглядывались в тем-

ноту.

Резцов глубже засовывал руки в рукава полушубка. Впередии люнета смутно шевелился сухой, несрезанный каолян, слышался шорох его листьев. Отчего они шуршат? И повсюду что-то чернело, осторожно шевелилось и старалось спрятаться в тишину. Вдруг, беззаботно к этой тишине, злобно и хрипло огрызнулась во мраке собака; другая, молоденькая, жалобно завизжала. Там, в каоляне, они гложут необрунные трупы. И опять стало тихо.

Внутри тела мелко и часто трепетала невидная снаружи дрожь, воздух выходил из ноздрей прерывистою струею. И Резцов глубже засовывал руки в мех рукавов. Ползли предательские шорохи, их осторожно душила живая, подстерегающая тишина. Вот сейчас эта тишина вздрогнет, разверзнется, и с ярим воплем из нее ринутся на люнет темные толпы. Что тогда делать?

Резцов думал, – и на душе становилось вызывающе-весело и не страшно. Ну, подкрадутся японцы и бросятся в штыки. Ясно, поддержки сзади не пришлют. Ясно, придется выскочить из окопа и схватиться врукопашную. И ясно, исход будет один – смерть. Все было ясно и просто. Хотелось беззаботно улыбаться.

Из темной дали, с левого фланга, слабо донесся ружейный выстрел, отдавшийся в горах коротким эхом: таах-та!.. Другой, третий, – и затрещала частая, сливающаяся пальба пачками. Тишина кругом еще больше насторожилась, стала еще

более жуткою. На темном небе, казалось, вспыхивали слабые отсветы. Пальба трещала спешно и лихорадочно, потом стала ослабевать. Донеслось еще несколько одиночных выстрелов. Замолкло.

Опять еще сердитее огрызнулась в темноте хриплая собака, и еще жалобнее завизжала молодая собачонка и повизгивала долго, обиженно. Было странно: кругом – огромное, притаившееся всеобщее ожидание, а тут же, чуждые всему, сосредоточенно копошатся свои отдельные маленькие злобы и обиды.

– Оо-о!.. – Кто-то сладко зевнул в темноте. – Холодно, морозы пошли. Какая-то будет матушка весна красная?

Солдаты давно уже перестали вглядываться в темноту и стояли, – равнодушные, беззаботные к тому, что кругом. Резцов стал себе противен со своими копошащимися в мозгу, пугливо вздрагивающими мыслями. В этой окопе сошло с ума два офицера, – именно офицера: так же они стояли, так же спрашивали себя: «Чего там?... А что, если?..» А вот кругом люди – равнодушно-спокойные и бездумные; придет миг, и они со свежими, вдруг вспыхнувшими душами схватятся за винтовки.

Резцов пошел сделать обход своей части люнета. Капитан Катаранов стоял в середине люнета. Положив голову в папаху на руку, он облокотился о бруствер и о чем-то думал. За последние две недели Катаранов стал совсем другим, чем прежде: был молчалив и угрюм, много пил; в пьяном ви-

де ругал начальство, восхвалял японских генералов Куроки, Ояму, Нодзу, оглядывал всех злыми, вызывающими глазами и как будто ждал возражений; а то плакал, бил себя кулаками в грудь и лез целоваться.

Он очнулся от задумчивости и рассеянно взглянул на Резцова.

– Ну что? Не спят у вас люди?

– Нет.

Катаранов опять молча облокотился о бруствер. Резцов пошел к себе.

Медленно двигались по небу звезды, одни заходили, слева из-за сопки появлялись другие. Вдали изредка слышались одиночные выстрелы. Солдаты стояли, неподвижно опершись о винтовки. Временами то один, то другой топал озябшими ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.